Десять секунд тишины

Сара Ульянова

Сара Ульянова
Десять секунд тишины

https://litres.ru/74723452
SelfPub; 2026

Аннотация

Рядом с телом убитого преподавателя находят осколки чашки. В академии умеют извлекать из такой керамики звуки, раздавшиеся за десять секунд до того, как она разбилась. Следователь включает запись, и Тимур слышит голос своего преподавателя:

«Тимур, вы уже забрали мои бумаги. Теперь хотите заставить меня молчать?»

Дальше должен быть смех. Тимур помнит, как они оба засмеялись. Днём они разыграли эту ссору для занятия, и он сам подсказывал преподавателю слова. Только чашку разбили в другой комнате. Кто принёс осколки к телу?

Тимур помнит, в чьих руках видел их в последний раз. Тот самый человек теперь помогает ему оправдаться.

Содержание

Глава 1 Только один раз 4
Глава 2 Дневная роль 9
Глава 3 А-4 17
Глава 4 Не последнее слово 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Десять секунд тишины

Глава 1 Только один раз

28 сентября

В лаборатории ждали, пока в коридоре дорасскажут анекдот. До Тимура долетали только последние слова; он успел придумать три возможных начала, прежде чем Мирра попросила прикрыть дверь.

Стало слышно, как дождь шуршит по стеклянной крыше Рядов. Под этим сводом когда-то продавали цветы, и железные крючья для корзин до сих пор торчали над лабораторными столами.

Мирра закрепила в приборе осколок памятной керамики величиной с ноготь. В нём темнела крупинка природного минерала — единственное зерно разбитой пластины, хранившее голос. Под тонкий край она подвела опору: при запуске контактный стерженёк должен был заставить осколок мелко дрожать.

На столе оставались другие части зелёной пластины, которую Мирра собиралась восстановить.

Тимур включил микрофонную запись. Зоя Павловна про-

верила крепление и уступила место Мирре.

В осколке был вчерашний голос Лики Туровой. Сама Лика уже уехала на выставочный монтаж. После выпуска она редко задерживалась в Рядах надолго; для воскресного опыта успела напеть что-то без слов. Утром прислала согласие: «Можно на занятиях и на вашем открытом показе. Только фамилию мою напишите правильно».

Мирра включила извлечение.

После короткой тишины Лика запела — на низкой ноте, с осторожным подъёмом к следующей. Тимур невольно приоткрыл рот: так он всегда делал, когда хотел подхватить мелодию раньше, чем успевал её запомнить. Второй подъём у Лики не вышел. Она засмеялась, коротко, с тем хриплым прихватом, который появлялся у неё, если смешно было самой, а не из вежливости.

Смех оборвался. Тимур подался к прибору: хотелось дождаться, что она скажет дальше.

— Всё, — негромко произнесла Зоя Павловна.

Вчера первый сквозной раскол сохранил десять предшествовавших секунд. Теперь зерно было истощено: повторить извлечение нельзя.

Тимур остановил запись, сохранил файл и включил Лику с начала. Она запела снова; осколок в держателе молчал. Ему нравилось, как серьёзно она брала первую ноту. При встрече надо будет попросить её спеть целиком. Хотя после такого предложения она наверняка велит сначала спеть ему самому.

У освободившейся лампы Кирилл уже снимал коробочку для заказчика. Он сменил серую рабочую куртку на синюю городскую. Заказчик, пояснил Кирилл, попросил общий кадр со своим обозначением на листке; когда Кирилл поднял полированную крышку, в ней на миг отразился Тимур.

Мирра потянулась за свитером. Тимур подал его и, пока она искала рукава, обнял её. Она прислонилась к нему спиной, на несколько секунд перестав торопиться.

* * *

30 сентября

В среду над Верском прояснилось. Тимур нашёл Мирру в светлой полосе у её стола. Заметив Тимура, она вынула наушник.

— Нам дали место. Тридцать первого октября. Под часами.

Он сразу посмотрел вверх, хотя из-за лабораторной перегородки часов было не видно. Там начинался самый светлый ряд. В этом пространстве можно было дать голосам прозвучать так, чтобы идущий мимо человек остановился.

— Я соберу Ликину пластину, — сказала Мирра. — По-

ставлю на свет. У неё по краю белая полоса, она почти прозрачная.

Тимуру хотелось сначала дать посетителям услышать смех, а потом показать собранную вещь. Мирра говорила о свете и форме, и он попробовал представить, как это соединить.

У них был один стол и два щита. Мирра брала на себя пластину и собственный раздел о реставрации, Тимур — речевую часть; в заявке стояли оба имени. Он предложил потом соединить всё в общую инсталляцию. Эту часть они пока только собирались придумать.

На мониторе у Мирры был открыт снимок медальона с неровным краем.

— А это новое? — спросил Тимур.

— Новый учебный пакет. Снимки, карточка консервации и аудиокопия. Извлекли ещё тринадцатого мая.

Под фотографией стояло «М-04», поле владельца было пустым.

— Мне нужно сравнить звук с состоянием вещи, — добавила она. — Это в показ не возьмём. Только для учебной работы дали.

Тимур нашёл на ноутбуке Ликин напев и протянул Мирре один наушник. Они наклонили головы друг к другу. На последнем смешке Мирра тоже фыркнула, и на секунду он не понял, где кончилась запись.

— Вот с этого можно начать, — сказала она.

Тимур собирался открыть чертёж, но Мирра показала ему письмо. Ниже подтверждения места был ответ Льва Семёновича Ракитина, их преподавателя:

«В пятницу сделаем запись для субботнего занятия. Мой голос, настоящее зерно — и обвинение против Валеева в том, чего он не совершал. Без монтажа и подражания. Посмотрим, кто поверит. Если Валеев согласен, жду в У-2».

Ему захотелось выяснить, насколько убедительно это прозвучит.

Он ответил: «Согласен. Только группе заранее не говорите».

Глава 2 Дневная роль

2 октября

— Бумаги вы у меня действительно просили, — сказал Ракитин. — Значит, с этого и начнём.

Он придвинул Тимуру листок. Задуманное в письме упражнение теперь выглядело несколько иначе: Тимур должен был сидеть перед ним и слушать обвинение в собственный адрес. Даже зная роль, трудно было придумать, куда при этом девать лицо.

В передаточном проёме появился Кирилл с учебной чашкой. Он придерживал её за край; на синей манжете рядом с его ладонью были две кнопки. Из П-3 тянуло холодом — там открыли окно после работы с клеем.

— Новая. Зерно ещё не активировано, — сказал Ракитин, сверившись с результатом осмотра. — Завтра начнём с неё. Послушаем, что группа решит о вас.

Тимур прочёл написанное и сразу представил Ольгу с соседнего курса: она первой потребует предъявить украденное, раньше, чем усомнится в обвинении. Ему хотелось её поймать.

— «Вы забрали» звучит лучше, чем «вы украли», — ска-

зал Тимур. — Второе уже как в плохом спектакле.

— И никакого злодейского шёпота? Жаль. Я готовился.

Лев Семёнович произнёс начало обычным голосом, затем добавил вопрос. Они убрали одно лишнее слово. На листке осталось: «Тимур, вы уже забрали мои бумаги. Теперь хотите заставить меня молчать?»

В рамке для контролируемого раскола чашка напоминала неподходящее угощение на лабораторном столе. Тимур подставил ладонь под подбородок и заметил, что Ракитин ждёт, пока он перестанет улыбаться.

— Пауза. Потом я говорю. После последнего слова — раскол.

Больше десяти секунд они молчали. Кирилл в соседней комнате тоже затих; передаточный проём оставался открытым. Снаружи кто-то катил тележку, но в У-2 звук почти не проникал.

Ракитин посмотрел прямо на Тимура.

— Тимур, вы уже забрали мои бумаги. Теперь хотите заставить меня молчать?

Он сказал это негромко и без усилия, словно устал возвращаться к неприятному разговору. Последние слова ещё звучали у Тимура в голове, когда преподаватель довернул винт рамки. Через стенку чашки прошла трещина, и часть края отделилась.

Ракитин первым засмеялся.

— Ну как?

— Я бы отдал, — признался Тимур.

— Что?

— Ваши бумаги. Даже если не брал.

Из проёма донеслось:

— В субботу я сяду подальше. А то тоже что-нибудь верну.

Кирилл забрал поднос с осколками. Лев Семёнович попросил оставить их на завтра в П-3: занятие будет здесь, в У-2. Тимур видел, как Кирилл поставил поднос в коробку и написал на крышке «Ч-01, суббота». Извлекать голос сейчас не собирались. Завтра группа получит обычную копию только после того, как след прочтут при всех.

Тимур уже слышал, с какой уверенностью станут спорить остальные завтра. А сегодня вечером у него был свой зал и полтора десятка обещаний прийти.

В дверях стояла Ольга.

— Лев Семёнович, вы про практику сегодня ответите?

— Через пять минут.

Тимур вспомнил о своём настоящем вопросе и задержался.

Папка с описаниями семейных пластин всё ещё лежала у Ракитина. Для Тимурова проекта важен был один старый пример обращения: в переводе выходило «старший», а обращались, возможно, к обычному напарнику. Он хотел взять рабочие листы на выходные, свести их с современными разговорами и показать результат руководителю выездной прак-

тики. Пока у него имелся только черновой разбор.

— Вы обещали посмотреть, что можно дать, — сказал он.

— Посмотрел. Пока нельзя.

Лев Семёнович говорил уже без недавней улыбки.

— Мне не нужны все ваши папки. Только мои выписки и описание происхождения.

— Выписки свои берите. Остальное я должен сначала проверить.

— До понедельника?

— Не назначайте за меня срок, Валеев.

При Ольге спорить не хотелось. Уйти с таким ответом — тоже. Тимур слишком хорошо знал эти обещания посмотреть: неделю назад в них не было никакой неопределённости, а теперь получалось, что он сам поторопился.

— Я без происхождения ничего не докажу.

— Вот именно.

Ответ вышел неприятно точным. Тимур умолк. Кирилл, вернувшийся из П-3, не стал вмешиваться, но Ракитин сам повернулся к нему:

— И по мастерской на неделе поговорим. По работе, Кирилл. Не по собранию.

— Я помню, — ответил тот.

Лев Семёнович позвал Ольгу, а Тимур вышел с чувством, что всё-таки проиграл спор, к которому не готовился. Учебное обвинение уже не казалось ему таким смешным.

* * *

Мирра нашла его перед отъездом в общем зале. Он успел рассказать ей, как хорошо Ракитин сыграл, но говорить о папке не хотел: тогда пришлось бы снова доказывать свою правоту, а Мирра собиралась заканчивать собственную работу.

— Ты после вечера вернёшься? — спросила она.

— Если не утащат есть.

— Утащат.

— Тогда вернусь сытый.

Она улыбнулась, но сразу предупредила, что ей ещё нужно в А-4. Ракитин назначил позднюю сверку образца; раньше у него посетитель. Тимур предложил ждать её у выхода. Мирра попросила написать, когда он освободится: она не знала, сколько займёт разговор.

Он уехал в четверть восьмого. До центра можно было дойти пешком, но ему нравился короткий трамвайный переезд через старую часть Верска: здесь Ряды оставались позади сразу, а вечер уже начинался. В окнах напротив мелькали чужие кухни. Тимур представлял, как после программы они с Миррой пройдут этот кусок обратно и он наконец расскажет про папку так, чтобы это прозвучало смешно.

В центре Арсен встретил его у входа и повёл к залу. Рая уже спорила с женщиной у стола о порядке выступлений. На

двух языках одновременно это получалось особенно быстро. Тимур понял только конец: чужую песню передвигать нельзя, а собственную Рая при необходимости сократит. На Арсена она даже не посмотрела.

У Тимура в программе было три коротких рассказа о том, как городская речь меняется в семьях. В первый он собирался вставить запись, но пришедшая со своей историей женщина опоздала. Решили начать без неё. Арсен снимал весь вечер на камеру центра; она стояла напротив прохода, и в кадр попадали выступающий и передние ряды.

В 20:45 Тимур начал программу. Первые слова дались хуже всего. Перед знакомыми людьми извиняться за своё волнение было неловко. Он назвал вечер, представился и увидел, что Рая беззвучно проговаривает его слишком официальное начало. Пришлось рассмеяться вместе с ней.

— Ладно. Вы меня знаете. Начну с матери.

Он рассказал, как в детстве был уверен, что домашнее обращение к нему означает «осторожный». Мать произносила его у открытого окна, возле горячей плиты и всякий раз, когда он нёс что-нибудь ломкое. Лишь намного позже выяснилось: она говорила просто «сынок».

— Осторожным я после этого не стал, — добавил он.

С заднего ряда кто-то спросил, знает ли мать, как её сегодня цитируют. Тимур заверил, что знает, и услышал от Раи:

— Тогда говори громче. Она ещё потребует запись.

Смех пошёл из середины зала к дверям. До этой минуты

Тимур старался удержать приготовленный порядок; теперь смог посмотреть на людей. Кто-то сидел с закрытыми глазами, слушая знакомые слова, девочка впереди прятала лицо в плечо отца, пока тот пытался повторить обращение правильно. Его не поправили: девочка сама сказала за него и тут же перестала стесняться.

Следующий рассказ вытянул из зала чужую историю. Мужчина, которого Тимур прежде не видел, поднялся со словами, что всё было не так. Он успел пожить и в котловине, и в Верске; одно и то же слово в его бригаде говорили совсем не тем тоном. Тимур попросил показать, каким.

Мужчина сперва отвечал ему, потом повернулся к знакомому через проход. Тот отозвался так быстро, что оба рассмеялись раньше остальных. Пришлось повторить по-русски. В переводе вышло почти плоско; зато стало ясно, почему на лекции Тимур не сумел бы изобразить этот обмен один.

Он отошёл от приготовленного текста. Попросил ещё один пример, а затем Рая заговорила о соседях, которые поразному обращались друг к другу в доме и на улице. Он слушал, иногда уточнял и очень хотел успеть записать потом хотя бы половину новых вопросов.

Опоздавшая участница вошла во время песни. Ей освободили место. Без десяти десять Арсен напомнил о времени, и Тимуру пришлось закрывать вечер ровно в тот момент, когда продолжать стало легко.

— Следующий раз без первых десяти минут, — сказала ему Рая. — Сразу начинай нормально.

Он хотел возразить, что именно первые десять минут всё и устроили.

На экране стояло 21:51. Пропущенный от Мирры и её сообщение:

«В А-4 скорая. Лев Семёнович без сознания. Я вызвала помощь. Позвони, как закончишь».

Тимур позвонил сразу. Рая ещё что-то говорила про запись для его матери; он слышал её совсем близко, но никак не мог удержать слова.

— Я еду, — сказал он, когда Мирра ответила.

В этот раз к Рядам он побежал.

Глава 3 А-4

2 октября, 21:20

Мирра ещё выбирала, с чего начать разговор с Ракитиным. Дневной спор закончился его «не сейчас», и повторять его слово в слово не хотелось. В шесть двадцать, когда она принесла законченный заказной образец, он сам предложил вернуться позже: объяснить, почему оставила видимый шов. Её объяснение собирался приложить к письму заказчику. Прозвучало это почти как уступка, хотя об обсуждении коллекции он ничего не сказал.

Она посмотрела на время. До сверки оставалось десять минут.

В Рядах ещё работали. За одной из стеклянных перегородок кто-то расставлял лампы, в общем зале сматывали провод от проектора. Мирра прошла между столами с рабочей схемой под мышкой. Хотелось закончить разговор без ссоры, забрать у Тимура вечер — сколько от него останется — и больше сегодня ничего никому не объяснять.

К половине десятого она подошла к А-4. Дверь была приоткрыта. Из коридора виднелся край стола, где она оставила свою работу.

— Лев Семёнович?

Ответа не было. Мирра толкнула дверь чуть шире. Ракитин лежал на полу, между столом и низкой подставкой. Одна нога оставалась под стулом, лицо было повёрнуто к свету. У виска темнело пятно, и Мирра сперва уставилась именно на него: оно не вязалось ни с лицом, ни с тем, как знакомо лежала на плече серая рубашка.

Рабочая схема выскользнула у неё из-под руки.

Она опустилась рядом, позвала его ещё раз и коснулась плеча. Ракитин не открыл глаз. Возле её колена лежали светлые осколки; пришлось переставить ногу, чтобы не наступить. Из-под согнутых пальцев его правой руки торчал тёмный клочок. Мирра не сразу поняла, почему вообще смотрит туда.

— Помогите! — крикнула она в коридор и набрала экстренную службу.

На вопрос об адресе она ответила слишком быстро. Пришлось повторить: академия, рабочее крыло, комната А-4. Рядом на полу зазвучал голос диспетчера. Мирра смотрела на грудь Ракитина и не могла решить, видит движение или ждёт его так сильно, что оно начинает мерещиться.

— Он не отвечает. Я его зову, а он…

Её попросили проверить дыхание. Она делала, как говорили, потом сказала, что нормального дыхания нет. Произнести это оказалось труднее, чем назвать адрес.

Следом нужно было положить ладони ему на грудь и на-

жимать. Мирра испугалась силы, которая для этого требовалась. С привычной хрупкой вещью она бы уже отступила, сняла нагрузку; здесь голос рядом велел продолжать. Ей всё казалось, что Ракитин сейчас дёрнется, перехватит её руку и сердито спросит, что она делает.

В дверях появились люди, но смотреть на них она не могла. Кто-то повторил диспетчеру, как попасть в крыло. Мирра продолжала нажимать и пыталась следить за лицом Ракитина; голос из телефона возвращал её к тому, что нужно делать руками.

Когда её наконец сменил человек из бригады, она села прямо на пол. Разжать пальцы было трудно.

Её попросили отойти, и только в коридоре она заметила, что телефон всё ещё в комнате. Медик подал его. Диспетчер уже не говорил.

Мирра позвонила Тимуру. Он не ответил. Она успела рассердиться, прежде чем вспомнила о встрече, которую он вёл. В сообщении вышло: «В А-4 скорая. Лев Семёнович без сознания. Я вызвала помощь. Позвони, как закончишь».

Она перечитала «без сознания». Ещё можно было написать именно так.

Телефон зазвонил, когда она сидела у окна в общем зале. Тимур спрашивал, что случилось и где она.

— Не очнулся. Им занимаются. Меня попросили выйти.

— Я еду, — ответил Тимур.

Она назвала ему вход, хотя он и так знал дорогу.

Позже женщина из бригады спросила, кем Мирре приходится Ракитин. Она ответила, что он её преподаватель, а затем спросила, в какую больницу его повезут.

Женщина не стала отвечать про больницу. Сказала, что спасти его не удалось. Мирра всё смотрела на полоску кожи между воротом её куртки и медицинской маской; казалось, если перевести глаза, придётся понять сказанное целиком.

У неё спросили, что она трогала. Мирра рассказала, как проверяла реакцию и помогала, потом попыталась вспомнить, куда сдвинула колено возле осколков.

Со следователем Верой Седовой Мирра говорила у того же окна. Та села напротив, спросила о назначенной сверке, о том, когда она видела Ракитина раньше. Мирра рассказала про образец, шесть двадцать и ящики, которые тогда собирали к отправке. Про ящики помнила плохо: сама торопилась к Ракитину с законченной работой.

Седова спросила о латунном прессе для образцов, найденном в А-4 за подставкой. Мирра знала этот инструмент и раньше сама им пользовалась. Теперь она попыталась вспомнить, где он стоял сегодня, но перед глазами всё ещё оставалось лицо Ракитина на полу.

— У вас с ним сегодня был спор?

Мирра кивнула, затем поняла, что нужно ответить словами. Ей хотелось описать всё точно и одновременно сделать дневное раздражение поменьше.

— Я просила дать материал из коллекции для открытого

показа. Он отказал. Я ещё до этого говорила с журналистом из городского издания, хотела предложить материал о работе. Лев Семёнович считал, что я сначала должна разобраться, что мне вообще разрешено показывать. Мне это не понравилось.

Седова записала, попросила назвать журналиста. Мирра назвала Дениса Астахова. Ничего для публикации она ему ещё не передавала.

Мирра посмотрела на телефон.

— У нас ещё письмо было. В среду. Он сам придумал задание с обвинением Тимура.

Седова подняла глаза. Мирра открыла переписку и показала сообщение Ракитина. Не хотелось, чтобы слово «обвинение» осталось между ними без остального письма.

— Это для занятия. Записать его настоящий голос, но чтобы он говорил про то, чего Тимур не делал. Тимур перед отъездом сказал, что опыт удался. Меня там не было.

Какую вещь использовали и что именно говорил Ракитин, Тимур ей не рассказывал. В письме точных слов тоже не было. Седова попросила сохранить переписку целиком и передать её способом, который показала. Мирра отправила её при ней.

— Найденные осколки могут быть оттуда? — спросила Мирра.

— Мы это проверим. Вы их раньше видели?

— Не знаю. Я смотрела на него.

Когда Тимур вошёл в общий зал, Мирра едва не позвала его подойти тише. Потом сама встала ему навстречу. Он обнял её за плечи; она упёрлась лбом в его куртку и постояла так, пока не стало неловко перед сидевшей рядом Седовой.

В тот вечер Мирре ещё несколько раз приходилось отвечать, что она видела. Тимур оставался неподалёку. Иногда она ловила себя на том, что прислушивается к коридору: знакомый шаг помог бы разом объяснить, почему все здесь задержались.

Глава 4 Не последнее слово

3 октября

— Теперь хотите заставить меня молчать?

Вчера после этого Ракитин засмеялся. Тимур ждал смеха и сейчас, хотя знал, что его не будет.

Седова остановила файл.

— Извлечение сделали сегодня утром. Мирра Белова передала нам письмо о вашем задании. Это та запись?

— Да. Он говорил это вчера, днём. В учебной комнате.

Знакомая усталая интонация, пауза перед вопросом — всё было на месте. Не хватало только его собственного лица напротив преподавателя.

Он рассказал, как Кирилл забрал поднос и поставил в коробку в П-3. Назвал надпись на крышке. За положение коробки он бы не поручился, но слова «суббота» и «Ч-01» он видел, а просьбу оставить её для У-2 слышал сам.

Седова не торопила. От её спокойствия хотелось отвечать ещё точнее. Тимур сообщил про открытый проём: Кирилл слышал фразу, потом сам пошутил о ней. Он не мог сказать, кто заходил в П-3 после его ухода. Ключей и осколков он оттуда не брал.

— В А-4 вы чашку переносили?

— Нет. Лев Семёнович велел оставить поднос в П-3. Занятие у нас в У-2.

— Может быть, позже попросил убрать её к нему?

— Меня — нет.

Ему хотелось добавить, что Ракитин никогда не стал бы держать учебный поднос среди своих вещей. Но стоило представить А-4, как нашлись исключения: он переносил туда то интересный образец, то чужую работу. Тимур оставил обобщение при себе. Что происходило с чашкой после его ухода, он не знал.

Седова проверяла присланный Арсеном файл с камеры центра. На экране Тимур стоял перед залом и говорил что-то, отчего весь передний ряд смеялся. Вчерашний он двигался легко, уверенный, что после программы вернётся к Мирре.

Арсен сохранил полную запись и передал её исходный файл, а не нарезку с выступлением. Седова уже связалась с центром. Тимур назвал людей, которые сидели у прохода, и объяснил, кого из них знал раньше. Время окончания он помнил по телефону.

— И всё-таки вы ушли раньше десяти, — сказала она.

— Без десяти закончили. Мы поговорили с Миррой, и я побежал.

— Ракитин в тот вечер разговаривал с сыном, — сообщила она. — После начала вашей программы. Сын отвеча-

ет не по догадке о времени: данные о звонке сохранились на устройствах, сам разговор слышал ещё один человек. Мы это проверяем вместе с записью центра.

Тимур переспросил:

— Он был жив?

— В момент разговора — да.

Он попытался представить обычный разговор: Ракитин отвечает, перебивает, собирается куда-то дальше. Не получилось услышать ничего, кроме вопроса из чашки.

О преподавателе они говорили дольше, чем Тимур ожидал. Про папку пришлось рассказать тоже. Настоящий спор у дверей У-2, своё раздражение, Ольгу, ждавшую консультации. Седова спросила, что именно было ему нужно, и впервые за утро Тимур понял, как трудно объяснить это человеку вне академии. «Один пример» звучало ничтожно рядом с убийством; «исследование» — как попытка прибавить себе важности.

Он сказал про старое обращение и про происхождение пластины. Про то, что без проверенных сведений ему нечего предъявить на практику. Закончил проще:

— Я думал, он опять тянет.

— А теперь?

— Я всё ещё так думаю.

Седова записала и этот ответ. Поправлять его Тимур не стал.

Когда Седова спросила о поздних встречах Ракитина, Ти-

мур вспомнил только слова Мирры перед отъездом. Сам посетителя не видел. О том, когда Кирилл ушёл из кампуса, ничего не знал. Было неприятно, что теперь от него требовалось именно это знание о знакомых людях, а он всю жизнь ходил мимо чужих дверей, ни за кем не следя.

— Кирилл говорит, что работал в предметной и после ухода посетителя, — сказала Седова. — Его слова о том, когда он в последний раз видел Ракитина, мы проверим отдельно. Вы в это время уже были в центре?

— Да.

На этот раз ответ дался без усилия.

В конце он сам спросил про коробку. Если осколки лежали возле Ракитина, её тоже принесли в А-4?

— Это относится к осмотру. Вам я сейчас даю послушать запись и спрашиваю о том, что видели вы.

Тимур кивнул. Ему хотелось увидеть, где лежала чашка. Знание того, что она оказалась там, беспокоило сильнее, чем все вопросы Седовой.

Закончив, он написал Мирре: в утренней записи именно дневное упражнение, осколки вчера убрал Кирилл. Она ответила почти сразу и попросила встретить её в Рядах после полудня.

* * *

В Рядах ему некуда было девать утро до встречи с Мир-

рой. В общежитии пришлось бы сидеть одному с этим голосом в голове.

Рабочее крыло было закрыто. В общем зале гудел обогреватель, и от этого привычный простор казался теснее: люди держались ближе друг к другу. Никто не произносил громко фамилию Ракитина. Тимур услышал её сразу в нескольких обрывках.

Ольга увидела его у перегородки и подошла сама.

— Ты с утра там был?

— Да.

— Я вчера тоже всё рассказала. Про вашу папку. Меня спросили.

— Правильно.

Она явно приготовилась к другому ответу. Тимур подумал, что ей можно просто пройти мимо, а ему придётся ещё какое-то время встречать в людях это выражение: будто он оценивает, достаточно ли хорошо за него сказали.

— Ты только не думай… — начала Ольга и не закончила.

— Что?

— Я не говорила, что ты его пугал. Просто вы спорили, а потом тебя вызвали. И кто-то уже написал, будто он назвал тебя перед смертью.

— Кто написал?

Она показала сообщение в студенческой беседе. Ни звука, ни ссылки — две уверенные строчки от человека, которого в Рядах вчера вообще не было. Внизу уже спорили о том,

могли ли извлечь голос так быстро. Кто-то объяснял правила материала, кто-то уверял, что всё выяснится, а один из знакомых Тимура поставил знак вопроса.

Он отдал Ольге телефон и открыл беседу на своём. Набрал: «Это было учебное задание. Я всё объяснил». Стер последнее предложение. Написал, что Ракитин произнёс фразу днём и что он сам весь вечер был в центре. Он отправил ответ.

Сообщение прочли почти сразу. Ответа не пришло.

— Убрать? — спросила Ольга. — Я могу попросить.

— Пусть мой ответ тоже останется.

Он пожалел о резкости, но злость не проходила.

Кирилл появился со стороны общего зала с несколькими папками под мышкой. Эти были университетские, узнаваемые по зелёным корешкам. Он поставил их перед Ольгой, попросил передать группе и только потом спросил Тимура:

— Тебя тоже про чашку?

— Да. Я сказал, что ты убрал её в П-3.

— Ну да. Меня об этом ещё ночью спрашивали.

Кирилл выглядел невыспавшимся. Тимуру на секунду стало неловко, будто он донёс на него.

— Учебные записи у вас сохранились? — спросил он. — Субботние, не его личное.

— Часть здесь. Остальное у Зои на общем диске. Сейчас найду.

Кирилл не просил объяснить, зачем они нужны. Показал

папку с планами занятий, нашёл дату, на которую Ракитин поставил разбор чашки. Чужая готовность сделать простое полезное дело оказалась почти невыносимой. Он поблагодарил слишком горячо.

— Да ладно, — ответил Кирилл. — Тут хоть понятно, что делать.

Ольга унесла папки. Тимур остался у закрытой двери рабочего крыла.

Вчера Кирилл оставил чашку в П-3. К ночи она оказалась возле Ракитина. Кто-то прошёл с ней по короткому знакомому коридору — и именно этот чужой путь Тимуру хотелось теперь понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.